

ПСИХОАНАЛИЗ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Трансформации, происходящие в период полового созревания, и их влияние на символическую систему¹

Руджеро Леви

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Руджеро Леви – бразильский психоаналитик, психиатр, тренинг-аналитик SPPA (Психоаналитическое общество Порту-Алегри), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации (IPA).

В данной статье автор рассматривает влияние и неизбежные трансформации, которым подвергается символическая система подростков на основе телесных изменений этого периода. Кроме того, автор изучает отношения подростка с собственным телом, или связь между разумом и телом (Bion, 1962), в подростковом процессе.

Ключевые слова: трансформации пубертата, подростковый процесс, отношения «контейнер – контейнируемое», идентификация, мышление, α -функция, K-связь, ментализация, дефицит ментализации, символизация, символическая реорганизация, система репрезентаций.

¹ В статью вошли материалы семинаров, проведенных Р. Леви на магистерской программе «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» в НИУ ВШЭ в 2024 году.

«Человек должен определяться не как рациональное животное,
а скорее как животное символическое».

Э. Кассирер

Половое созревание и его психологические последствия – подростковый возраст – изучаются с нескольких сторон. С точки зрения реактивации эдиповых фантазм и всей совокупности прегенитальных влечений (Фрейд); с точки зрения процесса сепарации-индивидуации (Блосс); с точки зрения горя по потере детского тела, бисексуальности и родителей из детства (Аберсатури); с точки зрения превратностей нарциссизма.

В этой небольшой статье я планирую рассмотреть влияние и неизбежные трансформации, которым подвергается символическая система молодых людей на основе телесных изменений подросткового возраста.

Я также предлагаю рассмотреть отношения подростка с собственным телом, или связь между разумом и телом (*Bion, 1962*), в подростковом процессе.

Я придерживаюсь идеи о том, что эта связь устанавливает отношения «контейнер – содержание, или контейнируемое», позволяющие телу стать вместительным для нементализированных эмоций и/или разуму развить способность контейнировать и символизировать это новое тело – и его влечения, которые изначально были ему чужды.

Я сосредоточусь на символической реорганизации, происходящей в этот период жизни, тревогах, возникающих в результате этого процесса, и его последствиях. Я считаю, что на этом этапе жизни «демонтаж» системы репрезентаций, созданной на протяжении всего периода детства, вызывает возвращение примитивных тревог, в частности тревоги уничтожения.

Чем прочнее интериоризированы контейнирующие объекты, тем легче переработать эти тревоги. Чем сильнее повреждены интроекции и символическая ткань, сотканная в детстве, тем более бурным будет этот процесс.

Я предполагаю, что эта символическая реорганизация неизбежно приводит к более или менее ощутимому дефициту ментализации (*Marty, 1990; 1992*) в подростковом возрасте, при этом тело играет центральную роль в попытке контролировать и справляться с тревогами этого периода.

Символическая реорганизация в подростковом возрасте и дефекты ментализации

По мнению Кассирера (*Cassirer, 1964*), великой разделительной линией между человеком и другими видами животных является существование у первых символической системы, промежуточной между стимул-приемной системой и эффекторной, моторной системой. Мышление опосредует непосредственную реакцию, как писал Фрейд в «Двух принципах» (1911).

Большим вкладом Биона в психоаналитическую метапсихологию стало его исследование развития мышления с точки зрения знания (К-связь) (*Meltzer, 1984*). Как вам известно, с точки зрения Биона, разум начинает

выстраиваться в процессе интерсубъективного обмена и в присутствии другого – реальной жажды – символизации (α -элементов), которые представляют «истину» эмоционального опыта (*Bion*, 1962; 1963; 1965; 1970).

По мнению Биона, α -элементы создаются путем трансформации β -элементов (сырых необработанных эмоций и ощущений) с помощью α -функции, вначале интернализированной с помощью идентификации с контейнирующей и трансформирующей функцией матери. Согласно Бionу, эти процессы происходят в связи, а именно К-связи, где X хочет познать Y, причем X и Y могут быть двумя субъектами, или двумя частями Я/селф (*Bion*, 1962).

Эта связь устанавливает отношения между контейнером и контейнируемым, которые могут быть созидательными, способствующими росту пары, или разрушительными, ведущими к ее регрессу.

Утверждая, что разум развивается только тогда, когда L и H (любовь и ненависть) подчинены K, Бion возводит стремление к знаниям, потребность в создании символизации внутреннего и внешнего мира почти до уровня движущей силы развития.

Это согласуется с тем, что Марилия Айзенштайн (2009), опираясь на Фрейда, называет «потребностью в репрезентации» соматического в психическом, императивом сложности человеческого существа. Грин (1990) идет в том же направлении, утверждая, что психика должна быть понята как промежуточное образование в диалоге между телом и миром.

То же самое относится и к подростковому процессу. Он характеризуется разрушением систем репрезентаций, созданных Я (*Cahn*, 1999) на протяжении всего детства, и острой необходимостью создать новую систему репрезентаций, учитывающую новое тело, само Я, объекты и даже окружающий мир.

Эта новая система репрезентаций создается благодаря интенсивному процессу символической трансформации, происходящему в этот период жизни. Во время этого болезненного процесса деконструкции и реконструкции системы репрезентаций – и его последствий – мы наблюдаем появление новой субъективности в символической вселенной субъекта, что превращает подростковый возраст в важнейший процесс символизации со всеми опасностями, присущими этому процессу.

Новое подростковое тело, возникающее в период полового созревания, с его новыми формами, влечениями и потенциалом, обязывает психику проделать беспрецедентный объем работы. Оно сталкивает подростка с тревожащим незнакомцем (*Cahn*, 1999), репрезентацию которого необходимо создать внутри себя для того, чтобы вновь обрести чувство общности с самим собой. Согласно определению Пьеры Оланье (*Castoriadis-Aulagnier*, 1975), символизировать означает ассимилировать чужеродное незнакомое тело в заданную систему репрезентаций. Разумеется, я рассматриваю понятие «чужое тело» в двойном смысле этого слова: как инородный элемент, который должен быть ассимилирован в символическую систему, и как биологическое тело, чуждое для самого субъекта.

Помимо чувства странности, о котором говорилось выше, нам также приходится иметь дело с глубоко укоренившимися тревогами уничтожения и

распада, часто с ощущением неминуемой смерти. Самость – как символическая конструкция – чувствует себя под угрозой.

Потеря репрезентаций Я и объектов, которые были созданы в детстве, вызывает глубокую тревогу, даже чувство ужаса. Винникотт (1951) говорил, что самое большое психическое страдание возникает не от потери объекта, а от потери его репрезентации.

В конце того же текста Винникотт поднимает вопрос о негативе в психоанализе, подчеркивая, что если репрезентация объекта утрачена, то единственной возможной реальностью иногда является его отсутствие: единственным присутствием объекта становится его негатив.

Эти люди привязываются к нехватке, отсутствию, а значит, к страданию как к единственной реальности. Некоторые подростки, столкнувшись с потерей саморепрезентации и ощущением, что они больше не существуют, часто привязываются к негативу как к единственной ощутимой реальности: страдать, испытывать боль, быть деструктивным становится способом их существования – все эти симптомы очень распространены у современных подростков. Кроме того, согласно Марилии Айзенштайн (2009), в каждый объект вложены два влечения – влечение к жизни и влечение к смерти, и эти влечения переплетаются в объекте и через объект.

Таким образом, поскольку репрезентация является объектом инвестирования влечений в психику (Green, 1990), ее потеря вызывает развязывание влечений, затапливая психику избытком несвязанного возбуждения. Этот избыток, потенциально травматичный, будет эвакуирован в соматическую или в действие.

Ботелла (2002) говорит нам, что травматическая ситуация возникает из-за неспособности субъекта создать репрезентации данного опыта, которые могли бы связать аффекты, вызванные им.

Подростковый возраст становится травматичным, когда субъект не может создать систему репрезентаций, учитывающую этот новый опыт, и таким образом терпит неудачу в процессе конструирования новой субъективности на основе – и из – другой, уже существующей.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в силу самой природы процесса субъективации в подростковом возрасте неизбежно возникает то, что Марти (1990; 1992) называет «дефектами ментализации», имея в виду психосоматических пациентов. Но психика всегда будет сталкиваться с объемом работы по символической трансформации, превышающим ее текущие возможности, что порождает присущую этому периоду хрупкость.

Тело, деструктивность и уровни ментализации

Либи́до часто рассматривается как играющее важную роль в процессе выстраивания смысла своего существования через создание четкого образа себя и своего тела (Cahn, 1999; Blos, 1981).

В то же время я бы подчеркнул центральное значение деструктивности и проблем, возникающих в ситуациях, когда деструктивность проявляется слишком сильно, поскольку процесс развития не удалось завершить.

Можно сказать, что в этот период жизни воссоздаются условия, сравнимые с теми, что были в начале жизни: способность психики к символизации нарушается, когда она сталкивается с новым, незнакомым телом, которое «требуется репрезентации» у психики (Aisenstein, 2009).

И если на ранних стадиях развития эрогенный мазохизм оказывается «хранителем жизни» (Freud, 1924; Rosemberg, 1991; Aisenstein, 2004; 2009), поскольку он связывает и переплетает влечения к смерти и влечения к жизни, то в подростковом возрасте мазохизм также будет играть свою роль. Винникотт (1950), исследуя агрессию и ее роль в развитии личности, подчеркивает, что именно агрессия, в отличие от эротических переживаний, вносит наибольший вклад в становление не-Я, которое проясляется через оппозицию по отношению к Я.

Поэтому Винникотт (1950) считает, что агрессивность будет играть важную структурирующую роль в конструировании объективного объекта и чувства реальности. Возвращаясь к роли, которую играет деструктивность в развитии, особенно в подростковом возрасте (Winnicott, 1962), он подчеркивает, что в этот период жизни возможны не только инцест, но и отцеубийство и даже самоубийство. Таким образом, в подростковом возрасте не только либидо, но и деструктивность играют существенную роль.

Столкнувшись с появлением сексуализированного тела, способного осуществить инцест, в отличие от эротического тела ребенка, подросток начинает поиск новых объектов. Первоначально этим новым объектом может стать собственное тело подростка как часть процесса перенастройки либидо, задача которой состоит в движении от аутоэротизма к объектной любви. На фоне нарциссической регрессии деструктивность следует тем же путем.

Частые атаки на кожу, начиная от татуировок и пирсинга и заканчивая самоповреждением, показывают, насколько эта реорганизация телесного инвестирования отмечена деструктивностью и агрессией (Louppe, 2001). Ритуалы инициации в подростковом возрасте часто связаны с риском для физической целостности своего тела. Именно поэтому ритуалы в рамках культуры сопровождают психическое движение подростка и организуют его.

В подростковом возрасте, когда тело снова становится объектом, агрессия начинает играть важную роль: подросток «играет» со своим телом, инвестируя его сексуально и агрессивно. Тело обретает «существование» именно потому, что тело/объект «выживает». В случае патологии самоповреждение и рискованное поведение [ordal behaviour] – единственный способ для подростков почувствовать себя настоящими, дать им ощущение того, что они живы и достаточно сильны, чтобы преодолеть собственную смерть. Факт остается фактом: в таких ситуациях существует реальный риск смерти, что часто заставляет нас, аналитиков, испытывать своего рода тревогу по поводу смерти, которую иногда трудно сдержать и сконтейнировать. Таким образом, в зависимости от способности каждого подростка к символической трансформации, тело будет затронуто в большей или меньшей степени.

Итак, в подростковом возрасте происходят два процесса, которые потенциально могут породить целый ряд тревог: с одной стороны, подростковая трансформация приводит к разрушению системы репрезентаций Я и объекта, что запускает процесс символической реорганизации, основанный на уже описанных тревогах распада. С другой стороны, характерная для подросткового возраста сепарация провоцирует страх потери объекта и его репрезентации; этот страх становится гораздо сильнее, если процесс субъективации у ребенка не был успешно завершен и объект не был прочно и надежно создан во внутреннем мире.

Бион (1957) ввел понятие психотической и невротической частей личности. Марти (1990; 1992) различает разные психические структуры в соответствии с уровнем ментализации: хорошо ментализированные, плохо ментализированные и ненадежно ментализированные невроты. Основываясь на этих двух концепциях, мы могли бы предположить, что, помимо индивидов, относящихся к этим категориям, существуют хорошо ментализированные, плохо ментализированные и нементализированные области Я внутри одного и того же индивида. Было бы трудно найти четко определенные, «чистые» состояния психики, скорее встречается преобладание одного над другим.

Клиническая виньетка

Альберт – очень трудный пациент. Он занимается самоповреждением, имеет ряд рискованных моделей поведения и множество зависимостей, включая зависимость от крайне жестоких интернет-сайтов. Долгое время его анализ проходил в потенциальном пространстве, вокруг персонажей, попавших в аналитическое поле.

Альберт приходит очень уставшим и раздраженным. Он выглядел только что проснувшимся, притащившим себя в кабинет. «Мне до сих пор не удалось ничего съесть. Это негритянка, такая грязь! Я не знаю, почему моя мать, которая все делает так хорошо, которая такая чистая и непорочная, держит в доме такую работницу? Мне противно есть то, что она готовит. Я так зол, что выхожу из дома, чтобы не наделать глупостей». Я снова поражаюсь его жестокости и спутанности. Тогда я пытаюсь показать ему, что, когда он расстроен, устал и голоден, дискомфорт, который его охватывает, превращается в ненависть, которую ему удастся только выплеснуть вовне, эвакуировать.

Он меняет тон; ему кажется, что он устал, потому что вчера вечером, перед тем как лечь спать, он смотрел видео об осаде и разрушении Сараево. Видео, записанное в момент тех событий, очень реальное. «Знаете, это жестокий фильм. Людям и детям стреляют в голову и записывают это на камеру. Немногие люди способны смотреть на эти сцены. Нужно быть сильным. Не знаю почему, но, когда я начинаю смотреть его, я нахожусь под напряжением, не могу остановиться. Но после я лег спать и не смог уснуть».

Слушая его рассказ, я чувствую тошноту и возмущение, но начинаю строить догадки. На ум приходит множество ассоциаций, теорий,

моделей, образов. Может быть, это его зависимость от возбуждения, объектная пустота в одиночестве ночи, заменяемая возбуждением? Может быть, дело в его садизме и жестокости? Но тут он рассказывает мне о геноциде. Геноцид детей. О каком геноциде он говорит? Говорит ли он о ранней трагедии своего детства, когда была уничтожена его психика?

Я метафоризирую видео из Сараево и понимаю, что, возможно, это внешний протез для процесса мышления, который захватывает пациента, потому что благодаря ему ранняя детская трагедия, которая все еще невысказана, обретает форму. Эти образы не были созданы им, но он пристрастился к ним, потому что они что-то ему дают.

Я предлагаю следующую концепцию: когда психика не обладает достаточно хорошей α -функцией для символизации данной эмоции, или когда еще нет контейнера, способного контейнировать определенные мысли (заряженные невысказанными эмоциями), или когда нет мыслителя, способного думать определенные мысли, субъект может аддиктивно цепляться за мысли-протезы, которые являются образами, предлагаемыми культурой, потому что они в этот момент служат прообразом невысказанных трагедий.

И они нуждаются в символической способности аналитика, для того чтобы стать по-настоящему «сновидческими».

Я говорю ему, насколько он был тронут, когда увидел детей в беде, с которыми плохо обращаются, которые подвергаются жестоким нападениям.

С этого момента мы смогли начать говорить о его чувстве одиночества и покинутости по вечерам, когда он принимал наркотики.

Финальные комментарии

Подростки, чьи символические способности и интроекция контейнирующих объектов (*Bion*, 1962) еще недостаточно надежно выстроились, прибегают к разного рода защитным маневрам: от самых примитивных, приближенных к влечению (*Green*, 1990), атак на связи (*Bion*, 1959), что ставит под угрозу ментализацию, или способность мыслить, по Биону, до менее регрессивных маневров, более близких к репрезентации (*Green*, 1990), или невротических, по Биону (1959).

Я думаю, что можно представить себе восходящую шкалу мыслительной способности, или ментализации, которая позволила бы нам учитывать – либо как доминирующие характеристики в индивиде, либо как синхронные аспекты, сосуществующие в одном и том же субъекте, – сырые эмоции, которые не могут быть преобразованы и проявляются как «вещи в себе» (психосоматические симптомы, саморазрушительное поведение и сырые аффекты); возникающие мысли, которые еще не могут быть наделены смыслом из-за отсутствия психики, способной к контейнированию, и которые будут расщеплены и спроецированы на аналитика или другие объекты; и, наконец, психику, способную мыслить, контейнировать свои мысли, защитные механизмы которой невротичны, что характеризует классических психоаналитических пациентов.

Changes at puberty and their impact on the symbolic system

Ruggero Levy

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Ruggero Levy, a Brazilian psychoanalyst, psychiatrist, SPPA (Sociedade Psicanalítica de Porto Alegre) training analyst, and head of the International Psychoanalytic Association (IPA) Working Group Coordination Committee.

In this article, the author examines the influence and inevitable transformations that the symbolic system of adolescents undergoes based on the bodily transformations of this period. In addition, the author explores the adolescent's relationship with his or her own body, or the mind-body connection (Bion, 1962) in the adolescent process.

Keywords: pubertal transformations, adolescent process, container-containing relationship, identification, thinking, a-function, K-linkage, mentalisation, mentalisation deficit, symbolisation, symbolic reorganisation, representation system.